

<https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-110-139>
Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 110–139.
Ancient World and Archaeology. 2023. No. 21. Pp. 110–139.
<https://ama.sgu.ru/ru>
Научная статья
Article
УДК [94+355](37)

«ЗАКОННОЕ ПРАВО» НА НАГРАБЛЕННОЕ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ДОБЫЧИ И РИМСКАЯ CIVITAS ПЕРИОДА РЕСПУБЛИКИ

М.Н. Растегаева

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Растегаева Мария Николаевна, аспирантка, кафедра истории древнего
мира, marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы распределения и использования военной добычи в римской Республике. Несмотря на то, что историография по этому поводу довольно обширна, исследователи, как правило, сосредотачивали свой интерес на роли полководца в процессе раздела добычи, а коллектив граждан римского государства, также претендовавший на часть награбленного, оставался без должного внимания. Именно поэтому в статье анализируются части римской *civitas*, между которыми распределялась военная добыча, а именно – полководец, воины и казна. При этом желание каждой из сторон заполучить свою «законную» часть награбленного неизбежно приводило к ряду конфликтов, которые в дальнейшем были отражены в литературной традиции. Основываясь на сведениях нарративных источников, автор статьи обращается не к экономическому, а к политическому и идеологическому аспектам проблемы – как осуществлялось распределение добычи, какие традиции сложились для этой процедуры, существовал ли какой-то закон, какие общественные противоречия стояли за разделом награбленного, какие представления связаны с этим процессом и какое место занимает гражданская община в распределении военной добычи. Рассмотрение всех этих вопросов позволяет создать представление о том, какую роль играла военная добыча в экономике римской Республики; в частности, особое внимание в статье уделено вопросам соотношения добычи и системы налогообложения. Кроме того, представлен ряд важных наблюдений о взаимодействии полководца, войска и государственной казны, которые являлись основными игроками в процессе раздела военной добычи. В статье делается вывод о том, что в Риме вплоть до самого конца республики не существовало единой правовой нормы, которая регулировала бы процессы распределения добычи; скорее, речь должна идти о некоторой традиции, которая учитывала интересы всех сторон и изменялась по мере развития римской государственности.

Ключевые слова: римская Республика, военная добыча, *civitas*, государственная казна, система налогообложения, *tributum*, *stipendium*, римское войско, полководец, *peculatus*, награбленное.

Для цитирования: *Растегаева М.Н.* «Законное право» на награбленное: распределение военной добычи и римская *civitas* периода Республики // Античный мир и археология. 2023. Вып. 21. С. 110–139. <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-110-139>.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

«LEGITIMATE RIGHT» TO LOOT: THE DISTRIBUTION OF WAR BOOTY AND ROMAN CIVITAS OF THE REPUBLIC

M.N. Rastegaeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russia.

Rastegaeva Mariya Nikolaevna, postgraduate, department of Ancient History, marija.rastegaeva1698@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9744-637X>.

Abstract: the article examines the distribution and use of war booty in the Roman Republic. In spite of quite extensive historiography on this question, scholars as a rule focused their interest on the role of the commander in the process of dividing the loot, and the collective of citizens of the Roman state, which also claimed part of the loot, unreasonably remained without required attention. Therefore the article analyzes the parts of the Roman civitas, among which the spoils of war were distributed, namely, the commander, the soldiers and the treasury. Besides the desire of each of the parties to get their «legitimate» part of the loot inevitably led to a number of conflicts, which were later reflected in the literary tradition. Based on the information from narrative sources, author of the article highlights not the economic, but the political and ideological aspects of the problem – how the distribution of loot was carried out, what traditions were formed for this procedure, whether there was any law, what social contradictions were in the division of the loot, what ideas are associated with this process and what place civil community is occupied in the distribution of the spoils of war. Discussion of all these issues allows us to create an idea of the role that war booty played in the economy of the Roman Republic; in particular, the article reveals the issues of the relations between war booty and tax system. In addition, the article presents a number of important remarks on the interrelation of the commander, the army and the state treasury, which were the main players in the process of dividing the spoils of war. The article concludes that in Rome, until the end of the Republic, there was no universal norm of law which would regulate the processes of distribution of war booty; it is more likely to claim that there is some tradition which took into account the interests of all parties and changed with the development of Roman statehood.

Keywords: Roman Republic, war booty, *civitas*, state treasury, tax system, *tributum*, *stipendium*, Roman army, military commander, *peculatus*, loot.

For citation: Rastegaeva M.N. «Legitimate right» to loot: the distribution of war booty and Roman *civitas* of the Republic // *Ancient World and Archaeology*. 2023. No. 21. Pp. 110–139 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/0320-961X-2023-21-110-139>.

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Римский образ жизни, общество, политика и идеология были в значительной степени построены в соответствии с военными целями. Война определяла мировоззрение граждан, была частью политической жизни. Важнейшей составляющей экономики древнего Рима была военная добыча. Латинские и греческие источники изобилуют описаниями триумфов, когда победоносный полководец выставлял перед своими согражданами захваченную в ходе военных кампаний добычу. Военные трофеи наполняли казну, храмы и даже дома легендарных полководцев. Потому военная добыча была неразрывно связана с обществом и культурой на всем протяжении римской истории.

Изучение вопроса о добыче, захваченной римлянами в ходе многочисленных военных кампаний, затрагивает ряд самых разных аспектов. Это можно наглядно показать на примере добычи, которую Эмилий Павел доставил в Рим после своего похода в Македонию. Античные авторы сообщают, что привезенные богатства были огромными и в основном состояли из царских сокровищ, хранившихся в Пелле (Plut. Aem. 28.6; Polyb. XVIII.35.4–5). Македонская добыча, внесенная в государственную казну, была настолько обильной, что позволила упразднить военный налог, взимавшийся с римских граждан (см. ниже). Исходя из этого пассажа возникает логичный вопрос – как соотносились римская система налогообложения и военная добыча? Очевидно, что эта взаимосвязь имеет не только экономический, но и идеологический аспект, поскольку предполагает перераспределение военной добычи между всеми гражданами Города. Тут же возникает несколько сопутствующих вопросов: на какую долю из добычи мог претендовать сам полководец? Какова была степень его свободы при распределении? Существовал ли в Риме какой бы то ни было закон или же обычай, который ограничивал свободу полководца в вопросе распоряжения добычей? Какова тогда доля, которая доставалась воинам во время походов? Какую часть награбленного полководец был обязан передать в казну?

Существует ряд работ, посвященных проблемам распределения и использования военной добычи, которые, в первую очередь, касаются свободы действий полководцев по отношению к захваченному. Так, Т. Моммзен и П. Фраккаро полагают, что римские военачальники были ограничены в своих действиях правовым регулированием со стороны государства, и в случае незаконного присвоения военной добычи они могли быть привлечены к ответственности за растрату государственных средств¹. По мнению К. Фогеля, военачальник мог свободно распоряжаться своей частью захваченного, и никакие законы не стесняли его в этом вопросе². И. Шацман полагает, что вся добыча считалась частной собственностью полководца, и отвергает как исторические случаи обвинения командующих в *peculatus* (растрате)³. Дж. Черчилль же заявляет, что любые попытки присвоения добычи командирами заканчивались обвинениями в хищении, так как захваченное имущество было собственностью римского народа, которая должна была использоваться в интересах общества⁴. При этом основное внимание исследователей сосредоточено на роли полководца в процессе распределения военной добычи в Риме, а коллектив граждан, также претендующий на часть награбленного, как правило, остается без должного рассмотрения.

Опираясь на сведения письменной традиции, условно можно выделить три стороны, между которыми распределялась военная добыча –

¹ Mommsen 1879: 241–242; Fraccaro 1956: 263–415.

² Vogel 1948: 394–423.

³ Shatzman 1972: 204.

⁴ Churchill 1999: 85–116.

это полководец, войны и казна. Желание каждой из них получить свою долю захваченного неизбежно приводило к ряду конфликтов, суть которых попытаемся изложить ниже. При этом нас будет интересовать не экономический подход, а политический и идеологический аспекты – как осуществляется распределение добычи, какие обычаи сложились, какие проблемы стоят за разделом награбленного, какие представления связаны с этим и какое место занимает гражданская община в распределении военной добычи.

Для начала обратимся к вопросу о доле добычи, которую должно было получить войско после завершения военных действий. Подобные сюжеты наполняют латинскую письменную традицию с самого начала Республики, причем тексты, описывающие раздел добычи в V и IV в.⁵, изображают два совершенно противоположных варианта поведения полководца. Это явно свидетельствует о том, что в эпоху ранней Республики не существовало установленного порядка распределения того, что было захвачено в ходе боевых действий⁶. В первом случае полководец раздает воинам всю добычу (либо позволяет им самим грабить) – тогда античные авторы подчеркивают его щедрость, используя термины *benignitas* (щедрость, радушие), *lenitas* (мягкость, умеренность), *munificentia* (благотворительность, щедрость), при этом сам полководец обозначается как *largitor* (даритель, раздаватель подарков). Так, Тит Квинций Капитолин Барбат оставляет легионерам добычу, захваченную у эквов в 471 г. (Liv. II.60.1–3), Марк Фурий Камилл – у вольсков в 389 г. (Liv. VI.2.12), Гай Марций Рутил – у привернатов в 357 г. (Liv. VII.16.3–4), Луций Волумний Фламма – у саллентинов в 307 г. (Liv. IX.42.5).

Вторая модель поведения полководца выглядит совершенно противоположным образом – он решительно отказывается отдать добычу воинам и передает ее в государственную казну (*aerarium*) централизованно, что представляется источниками как злонравие и скупость (*malignitas*) или как чрезмерная строгость и суровость (*severitas*) с его стороны. К примеру, Квинта Фабия Вибулана обвинили в скупости за то, что в 485 г. он продал все отнятое у врагов имущество, а вырученные деньги в обход интересов войска отдал в казну (Liv. II.42.1). Пытаясь удовлетворить ожидания всех заинтересованных сторон, Марк Фурий Камилл беспокоится, что слишком скудная раздача добычи может вызвать озлобление воинов (*ex malignitate praedae partitae*), а слишком щедрая – навлечь ненависть патрициев (*ex prodiga largitione caperet*) (Liv. V.20.2). Решительнее Камилл действует в отношении добычи из Фалерий в 394 г., когда захваченное при взятии лагеря было отдано квесторам, что вызвало сильное недовольство воинов, сломленных суровостью командования (*severitate imperii victi*) (Liv. V.26.8).

⁵ Здесь и далее приведенные даты, кроме особо оговоренных, – до н.э.

⁶ Вопросы обращения с пленными и организации грабежа лагерей побежденных были детально рассмотрены К. Вельбаем и А. Жолковским (См.: Ziolkowski 1993: 69–91; Welwei 2000).

Соответствующим образом в источниках описана и реакция воинов – при лояльном решении полководца в вопросах о разделе добычи они благоволили и охотно подчинялись ему. Так, Луция Квинкция Цинцинната наградили золотым венком за то, что после победы над эквами в 458 г. он отдал воинам всю добычу (Liv. III.29.1). Консул Гай Марций Рутил в 357 г. «обильную добычу приумножил своей щедростью, ибо ничего не отбирал в казну, давая обогащаться самим воинам» (Liv. VII.16.3. Пер. Н.В. Брагинской с изменением), и тем самым заслужил их расположение и поднял боевой дух. Однако если полководец принимал обратное решение, он получал пропорциональный ответ на предпринятые им меры. Военная добыча была зачастую главной мотивацией участия плебеев в походах и единственным средством поддержания хозяйства для многих из них. Потому Квинт Фабий, консул 485 г., который продал добычу, а все вырученные от продажи деньги отдал в казну, стал жертвой ненависти воинов (Liv. II.42.1–3), когда «все войско в разгар сражения по сговору уступило победу побежденным эквам и, оставив знамена, покинуло полководца на поле боя и самовольно вернулось в лагерь» (Liv. II.44.11. Здесь и далее пер. Н.А. Поздняковой).

При этом показательно, что большинство сюжетов, которые сопровождаются подобными оценками действий командующих, помещены в политический контекст борьбы патрициев и плебеев, вызванной долговыми проблемами и спорами из-за использования *ager publicus*. Передача добычи воинам в источниках представляется как возможность улучшить их экономическое положение или как способ вовсе решить эти проблемы. Получается, что распределение добычи между воинами и казной выступает в этом контексте как важный элемент протии-востояния патрициев и плебеев, причем неизменной остается одна составляющая – стремление воинов к немедленному и безусловному обладанию добычей, с одной стороны, и решительность полководцев, ориентированная на увеличение имущества государства – с другой.

Кроме того, здесь важно отметить, что воинскую дисциплину римской Республики нельзя рассматривать как историографически выдержанную универсалию, которая не зависит от уровня развития военной организации и отделена от эволюции римской государственности в целом. Потому не следует отождествлять взаимоотношения воинов и командиров, войска и гражданской общины в период ранней Республики и дисциплину профессиональной армии поздней Республики, «в основе которой лежали четкие правовые нормы, а солдат рассматривался как своего рода субъект права»⁷. Получается, что приведенные выше фрагменты, касающиеся споров, возникавших в процессе распределения добычи между войском, полководцами и казной, могут отражать сложности перехода от порядка ведения войн при родовом строе⁸ к военным предприятиям гражданской общины, которая стремится к тотальному контролю над распределением

⁷ Токмаков 2000: 136.

⁸ Finley 1974: 157.

прибыли от войны⁹. С того момента, как война становится коллективным предприятием, которым руководят избранные магистраты, возглавляющие армии граждан, добыча, собранная и захваченная, становится собственностью всего общества/государства. Вопрос о ее распределении приводит в действие противоположные принципы – коллективное накопление или индивидуальное распределение, и военная добыча таким образом становится основой социальной и политической конфронтации. И конфликты, о которых сообщает традиция, безусловно, отражают это изменение. При этом определить хронологические рамки такого изменения достаточно трудно – латинские источники не освещают (да и не могут освещать) вопросы перехода от индивидуального распределения к общественному¹⁰.

Помимо прочего, приведенные фрагменты из Ливия содержат черты, которые, как убедительно показал Ж. Эллегар, напоминают о более поздних противоречиях римской истории. Анализируя латинскую политическую терминологию периода Республики, Ж. Эллегар заключает, что термины *largitio*, *benignitas*, *munificentia* являются типичной для конца республики лексикой и соответствуют поведению полководцев, стремившихся упрочить собственный авторитет среди воинов, тогда как *malignitas* и *severitas* явно означают противоположное¹¹. Получается, что рассмотренные ранние сюжеты о распределении военной добычи, отраженные в источниках, не имеют под собой достоверных оснований и отображают экономические и политические реалии более поздних периодов римской истории – войн с Ганнибалом, времени Суллы и гражданских войн. Упомянутые пассажи из Ливия, описывающие архаичные споры по поводу награбленного, несут в себе явные следы переработки более поздними историками, что исключает возможность реконструкции упомянутых событий. На основе описаний распределения добычи, отражающих более ранние формы отношений в римском обществе, можно даже сказать, что поведение римского полководца на раннем этапе развития государственности – это в какой-то мере поведение ищущего рыцарских подвигов Дон Кихота на дорогах абсолютистской Испании.

Конфликты, связанные с разделом добычи между воинами и государственной казной проходят через всю историю римской республики, при этом в источниках они зачастую смешиваются с вопросами о жаловании воинов с конца IV в., а затем с вопросами о доле полководца с конца III в. (эти сюжеты будут рассмотрены подробнее ниже). Однако примечательно, что практика оставлять всю добычу на поле боя воинам сохраняется до самого конца республики, даже несмотря на введение регулярного жалования. Так, Марк Клавдий Марцелл во

⁹ О различии войн V в. и организованных кампаний Рима времен поздней Республики см.: Cornell 1989: 291–292.

¹⁰ Возможно, этот переход *post factum* обозначает Полибий, говоря о праве индивидуального присвоения добычи в противовес римской системе дележа, организованной полководцем (Polyb. X.16–17).

¹¹ Hellegouarc’h 1972: 218–221, 281–282.

время войны в Дальней Испании в 152 г., двигаясь к Нертобриге, позволяет войску грабить, а добычу сразу делит между воинами (App. Iber. 48); Гай Марий после победы над амбронами при Аквах Секстиевых в 102 г. получает от войска все, что уцелело от разграбления (Plut. Mar. 21.4); войска Гая Триария и Марка Аврелия Котты в 71 г. поочередно разоряют Гераклею (Memn. LI.3–5; LI; LIX); Луций Лициний Лукулл в 69 г. после битвы при Тигранокерте, «забрав находившиеся там сокровища, отдал город на разграбление солдатам» (Plut. Luc. 29.3. Пер. С.С. Аверинцева). Получается, что практика распределения награбленного, что называется, на месте, т.е. после победы, не теряет своей актуальности и применимости. Показательным примером тут является осада Сиракуз 214–212 г., когда консул Марк Клавдий Марцелл отказался от попыток умерить пыл своих солдат, «ведь не было ни одного начальника, который осмелился бы возразить солдатам, требовавшим отдать им город на разграбление, а многие и сами приказывали жечь и разрушать все подряд» (Plut. Marc. 19.3–7. Пер. С.П. Маркиша). Воины Луция Лициния Лукулла во время похода в Вифинию и Галатию в 73 г. упрекали своего полководца в том, что он не взял города приступом и таким образом лишил их добычи, и давили на него во время взятия Амиса, а затем Кабиры (Plut. Luc. 14. 2–3; 18–19). Такое поведение укрепляло мнение об алчности римских солдат, выраженное, в частности, Саллюстием в рассуждениях об армии Суллы, и развитое в более широком контексте его суждений о падении нравов в эпоху римской Республики (Sall. Cat. 11.4–8; ср. Plut. Sull. 12. 12–14).

В историографии такое положение дел зачастую объясняется низким и нефиксированным уровнем солдатского жалования, что могло бы объяснить важность получения части военной добычи, особенно в I в., когда набор в легионы «пролетаризировался»¹². Безусловно, сохранение практики раздела добычи в период, когда солдаты уже получают регулярное жалование, можно объяснить и тем, что Э. Габба назвал «*professionalisme militaire*»¹³, – состоянием духа, для которого характерна приверженность империалистической политике, ориентированной на получение дохода от захвата имущества побежденных. Можно, однако, попытаться найти более глубокие причины.

Хорошо известно, что римская военная организация на разных этапах своего развития сочетает в себе проникнутое диалектикой соединение *civis – miles*, т.е. «гражданин» – «воин»¹⁴. И тут важно отметить, что изначально римское войско формировалось и развивалось на полисной основе – «как ополчение граждан, которые только и

¹² Распространено мнение, что в середине I в. римская армия комплектовалась в основном за счет безземельного крестьянства, для которого война была единственной возможностью решить свои экономические проблемы, см.: Harmand 1967: 283–286, 409–415; Штаерман 1969: 56; Кузищин 1973: 15; Schneider 1974: 487. Иную точку зрения см. Keaveney 2007: 24–28, где главенствующая роль малоимущих в армии оспаривается.

¹³ Gabba 1984: 115–129.

¹⁴ Dahlheim 1992: 199.

обладали почетным правом-обязанностью служить в войске, занимая в соответствии со своим цензом место в военной иерархии и боевых порядках»¹⁵. И лишь полноправные граждане имели право пользоваться привилегиями, связанными с военной службой, будь то получение заслуженной доли из общей добычи или почести и слава¹⁶. Соответственно, в ситуации с распределением военной добычи сталкиваются две стороны: гражданин-воин, для которого присвоение награбленного является безусловным правом и привилегией, и государство, которое перераспределяет средства в пользу всех граждан, беря ответственность за все подконтрольные ему институты.

Как в этом случае следует интерпретировать ставшую регулярной после Второй Пунической войны практику раздачи солдатам денежных средств после триумфов? Вероятно, по мере того как утверждался механизм централизованного распределения военной добычи, гражданин-воин начинает терять свои позиции, касающиеся его безусловного «права на грабеж». В таком случае триумф, приобретающий постепенно все более зрелищные формы, имел, скорее, символические функции – раздача средств *ex praeda* приобретала торжественный характер и условно связывала возвращавшихся в Рим воинов с гражданской общиной, которая собирала воедино богатства побежденных. Приведенная интерпретация, вероятно, достаточно вольная, хотя и в духе некоторых рассуждений о символической функции триумфа¹⁷.

Второй важный аспект распределения военной добычи в римском обществе касается вопросов взаимодействия воинов, граждан и государственной казны. В первую очередь, это связано с установлением обычая выплаты жалования воинам (*stipendium*). Согласно Римской традиции, введение денежного довольствия армии произошло в 406 г. в связи с войной с Вейями (Diod. XIV.16.5; Liv. I.42–43; Dion. Hal. IV.15–17). Каждый эрарный трибун был обязан собирать налог (*tributum*)¹⁸ в свой трибе и из этих средств платить солдатам (Varr. LL. V.181), а в

¹⁵ Махлаюк 2003: 5.

¹⁶ Nicolet 1976a: 127.

¹⁷ См.: Itgenshorst 2005: 197–198.

¹⁸ По поводу размера *tributum* существует ряд мнений. Так, П. Маркетти полагает, что *tributum* был пропорционален цензу и, соответственно, его ставка не была прогрессивной (Marchetti 1977: 122). Иного мнения придерживается Э. Габба, согласно которому именно богатые граждане в годы войны были вынуждены нести на себе все более возрастающую тяжесть военных расходов. По его оценке, первый цензовый класс (80 из 193 центурий) платил более 40 % *tributum* (Gabba 1977: 131). П. Маркетти, однако, отмечает в этой связи, что *tributum*, даже распределенный среди более многочисленных налогоплательщиков из числа плебеев, все равно был слишком обременителен для них (Marchetti 1977: 125). К. Николе указывает, что «наиболее тяжким налогом был *tributum*, начислявшийся пропорционально имущественному положению (*ex censu*) лицам, подлежащим призыву и уже отслужившим» (Nicolet 1987: 246). В целом, говоря о форме налога, К. Николе склоняется к тому, что *tributum* был больше похож на литургии в классических Афинах, чем на налог в современном смысле этого слова (См.: Nicolet 1976b: 19–26).

случае невыполнения этих обязанностей солдаты имели против трибунов право *pignoris capio* (захвата имущества) (Cato ap. Gell. VII.10)¹⁹. Получается, что римские граждане платили специальный военный налог, *tributum*, который устанавливался на основе списков по трибам. Первоначально он вносился подушно (*viritim*) (Dion. Hal. IV.43). Однако, как сообщает Ливий, шестой римский царь Сервий Туллий ввел *tributum ex censu* (по имуществу) (Liv. I.43). Этот налог на имущество не был постоянным, а всегда назначался по мере надобности и служил только для военных целей, а именно для финансирования жалования воинам. Такие сборы могли рассматриваться в некоторой степени как принудительный заем государства, который затем возвращался гражданам, если это позволяла сделать захваченная в ходе кампании военная добыча. Когда казна сама по себе располагала достаточными денежными средствами, то *tributum* не взимался. Так, после завоевания Македонии в 168 г. доходы с завоеванных территорий оказались столь огромны, что взимание этого налога с римских граждан, как уже говорилось, было прекращено²⁰. Только при непосредственной опасности выплачивалось всеобщее, чрезвычайное и добровольное *tributum temerarium* (Cic. De off. II.21)²¹. Такова версия традиции в вопросе о возникновении регулярного жалования воинам в Риме и его связи с выплачиваемыми гражданами налогами. Но тут существует несколько проблем, которые требуют некоторого уточнения.

Традиция относит введение воинского жалования (*stipendium*) и регулярных налогов (*tributum*) к концу V в. Однако эта дата в историографии довольно продолжительное время считалась условной. Основной проблемой здесь является вопрос о возникновении монетной чеканки в Риме, поскольку в источниках в сюжетах о регулярном жаловании речь идет о выплатах в денежной форме. Несмотря на то, что, согласно легенде, первым в Риме монетную чеканку осуществил еще Сервий Туллий, это не вполне соответствует действительности. Так, по мнению Г. Мэттингли, римская монетная чеканка отсутствовала до самого конца IV в., а первые римские монеты начали чеканить незадолго до 289 г., когда был введен институт монетариев, а именно около 312 г.²² Это противоречие, однако, можно разрешить следующим образом – выплата жалования в более ранний период могла происходить в виде денежных эквивалентов – бронзовых слитков (*aes rude*, *aes signatum*), а не собственно в виде полновесных бронзовых и серебряных монет²³. Соотносится эта точка зрения и с позицией М. Крофорда, согласно мнению которого введение постоянного жалования воинам предшествовало появлению регулярной монетной чеканки, а плата воинам первоначально взвешивалась, а не подсчитывалась (Plin. NH. XXXIII.42–43; Isidor. XVI.18.8)²⁴.

¹⁹ Schwahn 1939: 7–9.

²⁰ Schwahn 1939: 42.

²¹ Маркин 2011: 66.

²² Мэттингли 2005: 24, 32–40.

²³ Humm 2005: 377–384.

²⁴ Crawford 1976: 204.

Стоит подробнее рассмотреть, как указанные нововведения представлены в традиции. Установление регулярного жалования воинам относится к 406 г. и связано с захватом Анксур, «города, наполненного долголетними богатствами» (Liv. IV.59.10. Здесь и далее IV книга Ливия – в пер. Г.Ч. Гусейнова), которые, следовательно, могли являться и добычей. Именно после разграбления Анксур, как пишет Ливий, «сенат – о чем перед тем не было и помину ни от плебеев, ни от трибунов – постановил, чтобы воины получали жалование от казны, а ведь до того каждый нес службу за собственный счет» (IV.59.11)²⁵. В то же время, отсылаясь к последующим спорам, автор указывает на возникшую между жалованием и налогами взаимосвязь: «Лишь народные трибуны не разделяли общей радости и согласия сословий, они говорили, что и сенаторы, и все остальные напрасно так уж рассчитывают на успех и благоденствие. Это решение, по их словам, лучше на вид, чем на деле. Ведь где же взять для этого денег, как не обложив налогом народ? Значит, и щедрость их – за чужой счет. Да если даже все остальные одобряют выплату жалования, то те, кто уже отслужил свой срок, не стерпят, чтоб другие несли воинскую службу в лучших условиях, чем когда-то они сами, теперь принужденные к тому же выплачивать жалование другим после того, как сами платили за все. Некоторые плебеи прислушались к этим доводам. А когда наконец военный налог был назначен, народные трибуны даже предложили тем, кто уклонится от его уплаты, свою поддержку» (Liv. IV.60.3–5)²⁶. Получается, что взаимосвязь между *stipendium* и *tributum* устанавливается с самого начала, причем «сверху», т.е. на основании постановления сената (Liv. IV.59.11).

Вернемся к уже упомянутому спору, который возник в сенате десять лет спустя, накануне взятия Вей. Спор был вызван «беспокойством» Марка Фурия Камилла, который, полагая, что «к римлянам попадет столько добычи, сколько не было во всех предыдущих войнах, вместе взятых, – с одной стороны, боялся вызвать озлобление воинов, если их часть добычи окажется скудной; с другой стороны, опасался навлечь на себя ненависть патрициев, если раздача будет слишком щедрой» (Liv. V.20.1–2. Здесь и далее пер. С.А. Иванова). Подобная дихотомия встречается и в предшествующих спорах по поводу дележа добычи. Из этого следует, что конфликты, подробно описанные Ливием, сочетают в себе, с одной стороны, благоприятное для плебеев решение оставить добычу воинам²⁷, а с другой – распоряжение облегчить налоговое бремя граждан и использовать часть добычи для вы-

²⁵ Об этом сообщает и Диодор Сицилийский, который прямо говорит о ежегодных выплатах (XIV.16.5).

²⁶ К. Николе справедливо видит в этих формулировках отголоски конфликтов, вызванных возросшими финансовыми расходами времен второй Пунической войны (Nicolet 1976a: 65).

²⁷ «Каждый, кто хочет участвовать в разделе добычи, может отправиться в вейский лагерь» (Liv. V.20.4).

платы жалования солдатам²⁸. Что может означать это предложение о финансировании жалования за счет награбленного? Вероятно, в этом эпизоде упомянуты два возможных источника финансирования солдатского жалования – в одном случае за счет добычи, а в другом – за счет налога с граждан, т.е. мы видим два вероятных варианта решения в ситуации, которая сложилась в 406 г. Таким образом, в этом фрагменте традиция совместила две конфликтные ситуации: давнее и постоянное противоречие, где с одной стороны – интересы плебеев, которые стремились извлечь всю возможную выгоду из раздела добычи в свою пользу, с другой стороны – патриции, которые стремились направить военную добычу в казну. Второй конфликт проявляется далее в спорах относительно введения *stipendium* и *tributum*.

Действительно, взятие и Анксур, и Вей соотносится античной традицией с получением огромной добычи и вопросом о ее разделе между воинами и казной. Однако кажется весьма сомнительным, что с этими событиями связано введение жалования и налогов именно в денежной форме. М. Хамм достаточно убедительно продемонстрировал, что установление *stipendium* и *tributum* неотделимо от комплекса последовательных реформ, которые касались гражданских институтов, организации легиона и налоговой системы. По его мнению, они одновременно осуществляются в конце IV в., примерно в 311 г.²⁹, как раз в тот период римской истории, когда мы можем уверенно сказать о начале постоянной чеканки полновесной монеты³⁰. Военная добыча, похоже, не сыграла в этом какой бы то ни было существенной роли, и, кроме того, традиция не сообщает о получении значительной военной добычи в это время.

Дальнейшее развитие экономической взаимосвязи налоговой системы, казны и жалования в источниках изложено весьма неоднозначно. Так, победы и триумфы Луция Папирия Курсора и Спурия Карвилия Максима над самнитами в 293 г., согласно традиции, отличались противоположными решениями о распределении захваченной добычи. О Папирии Курсоре Ливий сообщает, что тот после своей военной кампании добычу из Аквилонии и Сепина передал в казну, а воинам из нее ничего не досталось – *militibus nihil datum ex praeda est* (Liv. X.46.5). Речь идет о меди, вырученной от продажи пленных, и серебре, захваченном в городах. При этом у нас есть достаточно подробное описание процессии с точными суммами – 2 533 000 фунтов медных монет старой чеканки (*aes grave*) и 1830 фунтов серебра, и все это прошло мимо воинов. Такое поведение вызвало возмущение (*invidia*) со стороны народа (Liv. X.46.6), которое усилилось еще больше из-за того, что «даже на жалование воинам взимался налог, тогда как, откажись консул от славы внести в казну деньги, вырученные за пленных, он мог бы и одарить воинов из добычи (*militum donum dari ex praeda*), и за военную

²⁸ «Пусть из него назначат жалование воинам, дабы простой народ платил поменьше подати» (Liv. V.20.5).

²⁹ Humm 2005: 375–397.

³⁰ Мэттингли 2005: 24, 32–40.

службу выдать им жалование (*stipendium militare praestari potuisset*)» (Liv. X.46.6. Пер. Н.В. Брагинской). Коллега Папирия Курсора по консульству, Спурий Карвилий, при схожих обстоятельствах внес в казну всего лишь триста восемьдесят тысяч медных монет старой чеканки (*aes grave*), т.е. гораздо меньшую сумму, а оставшиеся деньги из добычи (*de manubiis*) вложил в возведение храма *Fortis Fortunae*, что представляло собой достаточно распространенную практику³¹. Кроме того, он раздал воинам из добычи (*ex praeda*) по сто два медных асса, производя таким образом первое известное нам распределение *ex praeda*, что было воспринято с большей благодарностью на фоне скупости (*malignitas*) его товарища (Liv. X.46.15).

Эти два триумфа 293 г. показывают, как полководец мог поступить с привезенной в Рим добычей: полностью отдать ее в казну или взять часть для раздачи воинам, что соответствует традиционному выбору между благожелательностью и суровостью к ним. Отдавать награбленное в казну? Или использовать его для выплаты жалования воинам? В первом случае жалование будет выплачиваться за счет граждан, а во втором – за счет побежденных.

Примерно через десять лет, в 280 г., после того как римская армия потерпела поражение от Пирра в битве при Гераклее, Гай Фабриций Лусцин возглавил посольство к эфирскому царю для переговоров о судьбе пленных. Пирр попытался расположить посла к себе, предлагая ему золото (Plut. Pyrrh. 20.2) или даже часть своих владений³² (Flor. I.13.18; Eutr. II.14.1), но Гай Фабриций не принял предложенные дары и воспротивился началу мирных переговоров. Дионисий Галикарнасский передает речь, которую он, якобы, произнес перед эфирским царем: «Государственные дела и прежде часто предоставляли мне законные возможности обогащения, но особенно, когда четыре года назад я, имея консульскую власть, был отправлен во главе войска против самнитов, луканов и бруттиев и опустошил обширную территорию, а тех, кто вышел на бой, победил во многих сражениях и разграбил много процветающих городов, взяв их приступом, благодаря чему обогатил все войско и вернул частным лицам взносы, которые они сделали ранее на военные нужды (*τὰς εἰσφορὰς τοῖς ἰδιώταις, ἃς εἰς τὸν πόλεμον προεπέτηνεν, ἀπέδωκα*), и четыреста талантов внес в казначейство после триумфа» (Dion. Hal. Ant. XIX.16.3. Пер. И.А. Маяк).

Такое использование военной добычи, представляемое в источниках как оптимальное, интересно, в частности, в связи с упоминанием о возмещении налогов³³, которое можно сравнить с подобным решением, помещаемым Дионисием Галикарнасским в 503 г.: добыча, взятая у сабинян, «была распродана на публичных торгах, все римляне получили обратно возложенные на них налоги, благодаря которым вооружали вои-

³¹ О практике возведения построек общественного характера в Риме за счет средств из военной добычи см.: Orlin 1997: 116–161; Сморгчов 2012: 326–391.

³² По не слишком достоверным сведениям поздних авторов.

³³ Кажется, греческую формулировку Дионисия можно сопоставить с латинской фразой *tributum conferre in militare stipendium* (Liv. IV.60.5; X.46.6).

нов» (τὰς κατ' ἄνδρα γενομένας εἰσφορὰς ἅπαντες αἷς ἔστειλαν τοὺς στρατιώτας ἐκομίσαντο) (Dion. Hal. Ant. V.47.1. Пер. Л.Л. Кофанова с изменениями). По сути это единственный в своем роде эпизод, связанный с существованием *tributum in stipendium* в столь ранний период римской Республики. Потому его можно считать анахронизмом, отражающим более поздние споры начала III в. по поводу налогов и жалования³⁴.

Как можно интерпретировать эти эпизоды? Мы могли бы принять их за чистую монету и считать, делая поправку на сопутствующие им события, что они свидетельствуют лишь о политической напряженности, связанной с недавним введением регулярного жалования воинам. Однако они также являются частью более масштабного процесса – приписываемые трем значимым для римской истории фигурам, они описывают три возможных способа использования военной добычи, когда она связывается с налогами и жалованием. Получается, что они представляют собой своего рода риторическое оформление *post factum* споров, которые наверняка имели место в римской истории в тот период, когда в Риме ввели постоянное жалование для воинов, и были связаны с политическими фигурами, точно обозначить которых мы не можем, однако в традиции они отождествлены с упомянутыми персонажами. Вероятно, такие споры могли повторяться и в других случаях, однако о них мы ничего не знаем.

Обозначенные выше проблемы, такие, как противоречия относительно источников финансирования жалования и трудности в установлении взаимосвязи между добычей, жалованием и налогами, находят свое отражение и в двух хорошо известных сюжетах уже следующего века – военных кампаниях и последующих триумфах Гнея Манлия Вульсона и Луция Эмилия Павла.

Гней Манлий Вульсон в своем походе против галатов в 189 г. без особого труда одержал победу у Олимпа³⁵. По словам Ливия, консул сжег захваченное оружие³⁶, свалив его в одну груды, а оставшуюся добычу он собрал; одну часть продал в пользу казны, а другую распределил между солдатами, «заботясь о строжайшем соблюдении справедливости» (XXXVIII.23.10. Пер. А.И. Солопова). «Солдатам было роздано по сорок два денария каждому, центурионам вдвое больше, всадникам втрое, и кроме того, пехотинцам было выплачено двойное жалованье. За колесницей триумфатора шли награжденные боевыми наградами военные всех рангов. Из насмешливых песенок, которые солдаты распевали о триумфаторе, было видно, что адресованы они безвольному коман-

³⁴ Н. Розенштейн, рассматривая сюжет, изложенный Дионисием Галикарнасским (Dion. Hal. Ant. V.47.1), выделяет еще одну значимую характеристику *tributum* – фактически этот налог представлял собой ссуду, которая создавалась за счет граждан и которую *res publica* была обязана компенсировать по мере возможностей (см.: Rosenstein 2011: 137–140).

³⁵ Münzer 1928: 1218–1219.

³⁶ Практика сжигать доспехи противника на поле битвы в качестве жертвы римским богам была достаточно распространенным и архаичным явлением (Liv. I.37.5; VIII.1.6; X.29.18; XXIII.46.6; XLV.33.1).

диру, заискивающему перед солдатами, и что блеск триумфу придает не столько народная любовь, сколько расположение солдат к победителю» (Liv. XXXIX.7.1–3. Здесь и далее пер. Э.Г. Юнца). Стараниями Манлия и его соратников, «сенат постановил, чтобы из денег, пронесенных в триумфе, народу возместили ту часть военных налогов, которая до сих пор оставалась невозмещенной. Квесторы, произведя добросовестный и точный подсчет, выплатили гражданам по двадцать пять с половиной ассов на тысячу» (Liv. XXXIX.7.5). Получается, что после триумфа Гней Манлий Вульсон произвел, ставшее уже обычным с начала века, распределение добычи, добавив при этом два нововведения – увеличение размера раздачи, принесшее ему признание со стороны воинов, и возмещение военных налогов посредством *senatus consultum*, что получило одобрение со стороны граждан. Примечательно, что его решение использовать отданную в казну часть добычи (деньги, пронесенные в триумфе) для возмещения налогов, выплаченных гражданами, является единственным известным нам случаем такого рода³⁷. Тем не менее, этот эпизод показывает имевшиеся споры (или, скорее, варианты решения проблемы) по поводу вопроса о распределении и использовании добычи в начале II в.

Только после триумфа Луция Эмилия Павла снова возник вопрос о распределении добычи, ведь в этом промежутке римской истории не было более прецедентов с возмещением *tributum*, что, вероятно, связано с отсутствием большой добычи в итоге Антиоховой войны, после которой не было триумфа. Мы знаем, что, когда Луций Эмилий Павел вернулся в Рим после македонской кампании, его стремление к триумфу встретило возражения со стороны воинов, которые посчитали себя обделенными при распределении добычи, ведь «им не досталось-де ничего от македонской добычи, будто они в Македонии и не воевали» (Liv. XLV.34.7. Пер. О.Л. Левинской; ср. Liv. XLV.35.6; 37.10; Plut. Aem. 30.4). Как у Ливия, так и у Плутарха, который в связи с этим эпизодом рассуждает о жадности солдат и честности Эмилия Павла, описаны притязания воинов на долю из казны македонского царя, причем предшествует этому указание на то, что разграбление Эпира было предпринято из-за желания их вознаградить (Plut. Aem. 29.1), причем сведения Ливия и Плутарха сильно различаются в суммах, распределенных после этого разграбления³⁸. Но факт остается фактом – тут снова возникает конфликт из-за распределения добычи между воинами и государственной казной, ведь сокровища македонского царя Эмилий Павел сохранил для казны, а остальная добыча не слишком уж обогатила воинов³⁹, а «достояние целого народа, разменянное по мело-

³⁷ Coudry 2009: 42.

³⁸ Ливий сообщает, что «добыча была так велика, что на всадников пришлось по четыреста денариев, на пеших – по двести» (Liv. XLV.34.5. Пер. О.Л. Левинской); Плутарх же, что «в результате столь губительного и всеобщего опустошения на долю каждого солдата пришлось не более одиннадцати драхм» (Plut. Aem. 29.3. Пер. С.П. Маркиша).

³⁹ Klebs 1893: 576–580.

чам, обернулось ничтожным прибытком в руках победителей» (Plut. Aem. 29.3. Пер. С.П. Маркиша). Кроме того, прекращение выплаты *tributum*, стало возможным благодаря поступлению средств от войны, что показывает, что взаимосвязь между налогами и добычей понималась так же, как и в начале III в.⁴⁰ Тексты, которые описывают этот перерыв в процессе взимания налогов, явно указывают на взаимосвязь между двумя этими событиями: Цицерон сообщает, что «он привез в эрарий столько денег, что добыча одного императора позволила прекратить взимание податей» (Cic. De off. II.76. Пер. В.О. Горенштейна); Плиний пишет, что «Эмилий Павел после поражения царя Персея внес в государственную казну из македонской добычи триста миллионов сестерциев, и с тех пор римский народ перестал платить военный налог» (Plin. NH. XXXIII.17. Пер. мой)⁴¹.

С момента своего возникновения *tributum* задумывался как единовременный взнос граждан⁴², при этом внесение средств в казну после завершения военной кампании должно было либо компенсировать их затраты, либо вовсе помочь их избежать. С 167 г. *stipendium* и *tributum* перестают быть связаны – теперь устанавливается принцип, когда война непосредственно питает войну⁴³. Он отчетливо выражается уже в следующем столетии при различных обстоятельствах. Так, в разгар гражданской войны, в 89 г. Помпей Страбон обманул надежды сената, ничего не внося в опустевшую казну из взятой в Аскуле добычи (Oros. V.18.26)⁴⁴. Лукулл во время своего похода в Армению использует сокровища гордиенского царя Зарбиены для содержания своей армии, несмотря на возможность отправить царскую казну в *aerarium*. Плутарх добавляет к этому рассказу, что «Лукулл заслужил всеобщее восхищение тем, что вел войну на средства, приносимые ею самой, не беря ни драхмы из государственной казны» (Plut. Luc. 29.10. Пер. С.С. Аверинцева). С другой стороны, в 56 г. сенат одобрил финансирование жалования четырем легионам, которые Цезарь набрал по собственной инициативе для проведения кампании в Галлии. Поддержавший это решение Цицерон добавляет: «Нам недавно докладывали о жаловании для его войска. Я не только подал голос за это предложение, но и постарался, чтобы подали свой голос и вы; я отвел много возражений, участвовал в составлении решения. Это было сделано мной скорее в угоду самому Цезарю, чем в силу необходимости,

⁴⁰ Coudry 2009: 43.

⁴¹ О подобном сообщает и Плутарх (Plut. Aem. 38.1). Факт отмены налога также упоминает Валерий Максим (Val. Max. IV.3.8).

⁴² Nicolet 1976a: 19–26, 69–70. В работе показано, что *tributum* взимается не регулярно, а в соответствии с ожидаемыми военными расходами, поэтому и налоговая ставка не является фиксированной. Историографические споры по поводу размера *tributum* были упомянуты выше.

⁴³ Coudry 2009: 43.

⁴⁴ Впрочем, возможно, он внес в эрарий меньше, чем от него ожидали, что со временем превратилось в источниках в «ничего» (Короленков 2020: 203, прим. 155).

ибо я полагал, что он даже без этой денежной помощи может, используя ранее захваченную им добычу, сохранить свое войско и закончить войну; но я счел недопустимым нашей бережливостью наносить ущерб пышности и великолепию триумфа» (Cic. Prov. Cons. 28. Пер. В.О. Горенштейна)⁴⁵. Иными словами, было совершенно обыденной практикой выделять жалование воинам непосредственно из военной добычи, однако отправка средств в *aerarium* позволяла победителю продемонстрировать большую добычу и, соответственно, увеличивать свою славу.

Получается, что по сравнению с Самнитскими войнами кампании первой трети II в. не привели к каким-либо изменениям в представлениях об использовании добычи – *tributum* представлял собой некий заем, предоставляемый гражданами в казну в счет будущих военных кампаний, которые, в свою очередь, должны были пополнить *aerarium*, вознаградить воинов и вернуть средства гражданам.

Последняя составляющая гражданского коллектива, принимающая непосредственное участие в процессах распределения военной добычи – это полководцы. При изложении событий примерно со времени конца Второй Пунической войны в сочинениях античных историков появляется тема исков против полководцев, в которых их обвиняют в присвоении военной добычи (*peculatus*)⁴⁶. Исследовательская литература по этому поводу достаточно обширна и в общих чертах была обозначена в начале статьи. Нас же в этом вопросе будет интересовать не сама доля полководца, а то, как его право на добычу взаимодействует с правом на добычу граждан и государства. Думается, что для рассмотрения этого вопроса следует обратиться не только (или даже не столько) к юридическим формулировкам, появляющимся у авторов, сколько к политическому контексту обвинений в *peculatus*. Потому ниже будут проанализированы не только сами судебные процессы, но и обвинения в растрате, которые не всегда приводили к судебному разбирательству.

Казалось бы, можно подумать, что этот ряд судебных процессов по обвинению в *peculatus* и последующие изменения в законодательстве, связанном с присвоением военной добычи, были прежде всего реакцией римской общественности на действия полководцев по отношению к военным трофеям. Беспрецедентные объемы добычи, которые принесли войны II в., могли создать возможность для попыток личного обогащения, которые следовало бы осудить или ограничить. Полибий представляет нам фигуры честных и верных долгу полководцев как

⁴⁵ Можно задаться вопросом, действительно ли Цицерон беспокоится о триумфе Цезаря, или он, скорее, не хочет помешать последнему исключить государственную казну из процесса выплат воинам, напрямую финансируя жалование из военной добычи и уменьшая роль сената, который контролирует эти денежные потоки.

⁴⁶ О *peculatus* см.: Brecht 1940: 819; Gnoli 1979; Venturini 1979; Bona 1985: 911–916; Santalucia 1998: 128, 145.

исключение из правил⁴⁷: Луций Эмилий Павел, который не только не желает заполучить богатства Персея, но даже не хочет смотреть на них (Polyb. XVIII.35.4–5); Публий Сципион, после взятия Карфагена добровольно отказывающийся от возможности самообогащения (Polyb. XVIII.35.9–10). Цицерон дублирует характеристики, представленные Полибием, добавляя в список достойных граждан, в чьих домах обитали слава и доблесть, а не статуи и картины, имена Марцелла, «взявшего великолепнейший город Сиракузы», Луция Сципиона, «который вел войну в Азии и победил могущественного царя Антиоха», Фламинина, «разбившего царя Филиппа и покорившего Македонию» и Луция Муммия, «разрушившего чудный, великолепный и богатый Коринф и завоевавшего и присоединившего к владениям римского народа много городов Ахайи и Беотии» (Cic. 2 Verr. I.55. Пер. В.А. Алексеева). Источники представляют нам такие фигуры как примеры достойного поведения по отношению к добыче – того поведения, которое в эпоху масштабных римских завоеваний становится исключением из правил перед лицом возможности завладеть богатствами⁴⁸. Но нельзя забывать, что примерно в это же время в Риме появляются первые разработки так называемой теории «упадка нравов», в которой особый акцент делается на процессе разложения традиционных норм и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши и чрезмерного богатства⁴⁹. Реакция на подобное «алчное» поведение полководцев при дележе добычи проявляется либо в общем виде, как, к примеру, у Саллюстия, осуждающего присвоение добычи нобилитетом в ущерб интересам воинов и народа (Sall. Jug. 41.7), либо в отношении конкретных персонажей римской истории. Так, Сервий Сульпиций Гальба, предательски расправившийся с лузитанами во время кампании 150 г., как сообщает Аппиан, немного из добычи отдает воинам и друзьям, а все остальное присваивает себе (App. Iber. 60).

Об изменении отношения к добыче также свидетельствует попытка Марка Порция Катона сформулировать нормы распределения военной добычи в первой половине II в. К сожалению, сведения источ-

⁴⁷ «В наше время я не решился бы сказать то же о всех римлянах; но в отдельности мог бы назвать в Риме довольно много граждан, и теперь способных блюсти верность долгу в этих делах» (Polyb. XVIII.35.2. Пер. Ф.Г. Мищенко).

⁴⁸ Саллюстий также критикует подобные эпизоды римской истории, когда всеобъемлющая жажда наживы и стремление к обогащению затмевает благородные и добродетельные цели власть имущих (Sall. Cat. 9.1; 10.4; 11.3; 12.1; Jug. IV.7).

⁴⁹ Примечательно, что среди античных авторов не было единства по поводу временной границы, после которой началось разложение традиционных устоев и образа жизни римлян. Фабий Пиктор таковой считал Третью Самнитскую войну (298–290 гг.), Валерий Максим – поражение Филиппа Македонского в 197 г., Тит Ливий – 187 г., Полибий – 168 г., Луций Кальпурний Пизон – 154 г., Посидоний, Саллюстий, Веллей Патеркул – 146 г. Как можно видеть, временной разброс составляет примерно 150 лет, с 290 по 146 гг., включая весь промежуток между первой и последней Пуническими войнами. См.: Утченко 1952: 109–110; Sauerwein 1970: 177–178.

ников достаточно скудны в этом отношении – в нашем распоряжении имеется лишь фрагменты речей, которые выражают двойственное положение вещей, поэтому их интерпретация является крайне сложной задачей. Одна из таких речей озаглавлена *Uti praeda in publicum referatur* – «Чтобы добыча вносилась в казну». Уже из названия следует основная идея текста – направить добычу в казну. Катон отмечает: «Я удивляюсь, что можно быть таким дерзким, иметь так мало благочестия, держать дома статуи богов, изваяния и подобия таких ликов вместо мебели»⁵⁰. При этом в речи явно выражен упрек по отношению к тем, кто, несмотря на возможность отдать государству полученные средства, устанавливал статуи в своих домах в качестве украшения, что явно указывает на то, что они были частью военной добычи – частью которую полководцы таким образом неправомерно присваивали. Другая речь имеет название *De praeda militibus dividenda* – «О разделе добычи между воинами». Она посвящена не проблеме пополнения казны, а вопросу о той доле, которую следовало отдать воинам. Однако единственный сохранившийся ее отрывок отмечает, что «воры, укравшие у частных лиц, проводят время в тюрьме в оковах, а у народа – в золоте и пурпуре» (ORF. Cato fr. 224 Malcovati. Пер. мой). Получается, что опять в орбиту внимания Катона попадают полководцы и вероломно распределенная ими в свою пользу военная добыча.

Общей чертой этих речей является обвинение полководцев в неправомерном присвоении части добычи, а, следовательно, уменьшении ее доли в казне⁵¹. Если мы обратимся к текстам, в которых упоминаются суды по обвинению в присвоении военной добычи⁵², то заметим, что они регулярно выставляют это как деяние, нанесшее ущерб казне, а не воинам. Об этом явно идет речь в связи с судом над Глабрионом, который был обвинен в том, «что во время триумфа не показал, а потом и не отдал в казну часть царских богатств и добычи, захваченной им в Антиоховом лагере» (Liv. XXXVII.57.12. Пер. С.А. Иванова). Подобное видим и в случае с Публием Корнелием Сципионом Африканским, который был призван к суду потому, что *praeda ex Antiocho capta aerarium fraudasset* (Liv. Per. XXXVIII), т.е. снова ситуация касается сдачи добычи в казну. Таким же

⁵⁰ ORF. Cato fr. 98 Malcovati. Пер. Н.Н. Трухиной по: Трухина 1986: 175.

⁵¹ Можно ли рассматривать эти размышления Катона как попытку ввести некоторые правовые нормы, ограничивающие свободу полководца распоряжаться добычей, как полагает И. Шацман (Shatzman 1972: 199)? Вероятнее всего, нет. Ведь по существу контекст, в котором произносились эти речи, остается для нас неизвестным, а потому достаточно трудно сказать что-либо уверенно по этому поводу. Так, противоположное И. Шацману мнение высказал Э. Грюн (Gruen 1995: 87–88), для которого какое-либо юридическое реформирование в этой области в начале II в. было невозможным, поскольку сенатская аристократия не хотела препятствовать свободному распоряжению добычей со стороны полководцев и только лишь ограничивала их амбиции формальными мерами.

⁵² См. подробнее обо всех процессах: Shatzman 1972: 188–198; Gruen 1974: 71–87; Churchill 1999: 101–108. О суде над Сципионами: Gruen 1995: 59–90.

образом действует и Помпей Страбон, когда добычу из Аускула не передает в обнищавшую казну, несмотря на надежды сенаторов, которые полагали за ее счет покрыть часть народных выплат (Oros. V.18.26).

К числу подобных персонажей можно отнести и Марка Аврелия Котту, который разграбил и сжег Гераклею Понтийскую⁵³, после чего прибыл в Рим и был обвинен в том, что он разрушил великий город только ради своей личной выгоды, а его огромное богатство породило зависть, так что он стал предметом всеобщей ненависти (Memn. FGrHist 434.39.1). Так события Третьей Митридатовой войны излагает Мемнон Гераклеяский. Дальнейшие действия Котты свелись к тому, что, стремясь избежать вражды, которую вызвало его богатство, он отдал большую часть добычи из Гераклеи в казну, однако и это помогло ему лишь отчасти, ибо многие полагали, что он передает народу лишь немного, а большую часть оставляет себе (Memn. FGrHist 434.39.1). Действительно, по сообщению Диона Кассия, Аврелий Котта очень обогатился в Вифинии (XXXVI.40.3). В результате он был привлечен к суду Гаем Папирием Карбоном по обвинению в присвоении добычи, а после вынесения обвинительного приговора потерял место в сенате⁵⁴.

Однако самый ранний эпизод римской истории, связанный с обвинениями полководца в несправедливом распределении добычи, связан с Марком Фурием Камиллом. Его биография по существу связана с двумя знаменательными событиями римской истории – взятием Вей в 396 г. и изгнанием галлов в 387 г.⁵⁵ Между этими двумя эпизодами состоялись суд и изгнание Камилла, а также его последующее возвращение в Рим. Остановимся подробнее на сюжете, когда он был отдан под суд после завоевания Вей.

В 396 г. Марк Фурий Камилл завершил войну с этрусками и привез в Рим огромную добычу. За свою победу он был провозглашен императором и справил неслыханный по пышности триумф, въехав в город на колеснице, запряженной белыми лошадьми (Plut. Cam. 7.1; Dio Cass. LII.13.3; Zonar. VII.21; Plin. NH. XXXIII.111 sq.; Vir. ill. 23.3 sq.; Anth. Lat. 834.3 sq.; Diod. XIV.93.2; 117.6). Этот жест полководца считали кощунственным, ибо такие лошади считались атрибутом Юпитера, что как бы приравнивало Камилла к небожителям. Поэтому Ливий melancholично замечает, что «по этой-то причине триумф был скорее блестящим, нежели радостным» (Liv. V.23.5–6). В 391 г. Камилл предстал перед судом и был оштрафован за незаконное присвоение военной добычи⁵⁶. В источниках сюжет с обвинением Камилла изложен весьма неоднозначно. Суд по поводу несправедливого распределения добычи ан-

⁵³ Klebs 1896: 2488; Молев 1995: 107–108.

⁵⁴ Klebs 1896: 2488–2489. Существует вопрос о том, каким именно было обвинение против Котты – в *pecutus* или *repetundae* (Linderski 2007: 120, n. 24).

⁵⁵ Münzer 1912: 324–348.

⁵⁶ Dion. Hal. ant. XIII.5.1; Val. Max. V.3.2; Liv. V.32.9; Plut. Cam. 13.1. Дионисий указывает, что Камилл был оштрафован на 100 000 ассов (*ασσάριον*), а Валерий Максим, Ливий и Плутарх сообщают, что на 15 000 ассов (*aes, aes grave, ασσάριον*). О судебных штрафах по делам о растрате см.: Piacentini 2021: 94–112.

тичные авторы единодушно связывают с добычей из Вей, *praeda Veientana*, однако существенно расходятся во мнениях относительно того, каким именно было обвинение против Камилла. Так, Дион Кассий указывает, что Камилл, разграбив Вейи, не внес ничего из награбленного в государственную казну (Dio. Cass. VI. fr. 24.4). Флор утверждает, что он несправедливо разделил добычу между войском и народом (Flor. I.17.4), Евтропий и Аврелий Виктор без подробностей упоминают о том, что он распределил добычу несправедливо ([Aug. Vict.]. Vir. ill. 23.4; Eutr. 20.1). Валерий Максим и Плутарх сообщают, что Камилла обвиняли в том, что он использовал добычу Вей в своих целях (Val. Max. V.3.2a; Plut. Cam. 12.1). Ливий достаточно пространно указывает *propter praedam Veientanam* (Liv. V.32.8). Диодор Сицилийский сообщает, что Камилл был призван к суду за триумфальный въезд в колеснице, запряженной четверкой белых лошадей (Diod. XIV.117.6), что перекликается с версией Ливия. Так или иначе, несмотря на разницу в формулировке обвинения против Камилла в источниках, становится очевидным, что распределение добычи подчинялось некоторым правилам, а полководец не мог безнаказанно присвоить добычу, предназначенную для казны.

Подобное же мы видим и в сюжете с добычей, которую Гней Марций Кориолан захватил в Антийской земле (Plut. Cor. 20.5). Греческая традиция представляет нам Кориолана истинным римлянином, равнодушным и к комфорту, и к тяготам жизни, храбрым и искусным в воинском деле⁵⁷. Дионисий Галикарнасский и Плутарх сообщают, что в военных кампаниях, предшествующих суду над Кориоланом, он регулярно отказывается от доли добычи, ведь, по его словам, «это уже не награда, а плата» (Plut. Cor. 10.4. Пер. С.П. Маркиша)⁵⁸. Но вскоре после победы над вольсками в 493 г. в Риме сложилась затруднительная ситуация – случился сильный голод, и консулам пришлось закупать зерно в Этрурии, у куманских и сицилийских греков⁵⁹. При этом Кориолан достаточно жестко, как сообщает Ливий, высказался относительно возможного решения этой проблемы, предложив продавать хлеб по высокой цене, если плебс не отдаст назад «уступки, насильно вырванные у сената их уходом» (Liv. II.34.8. Под уходом тут понимается первая сецессия плебеев в 494 г.). Если следовать описанию Ливия, после этого дерзкого высказывания в адрес плебеев на Кориолана обрушился шквал возмущения, вплоть до того, что «плебеи в ярости уже были взялись за оружие <...> и не миновать бы Марцию нападения при выходе из курии, если бы, по счастью, не призвали его трибуны к суду» (Liv. II.35.1–2). Вызов Кориолана в суд предотвратил эту расправу, поскольку теперь «каждый видел себя судьей недруту и господином его жизни и смерти» (Liv. II.35.2). И тут возникает вопрос – а в чем собственно обвиняли Кориолана⁶⁰? Удиви-

⁵⁷ Маяк 2019: 65.

⁵⁸ Кориолы: Dion. Hal. ant. VI.94.1–2; Plut. Cor. 10.4. Антии: Dion. Hal. ant. VIII.57.1; Plut. Cor. 13.6.

⁵⁹ Маяк 2019: 65.

⁶⁰ А был ли суд? А был ли Кориолан? Литературно оформленная легенда о Кориолане передается античными авторами, но дело в том, что достоверность

тельно, но этот же вопрос сам Кориолан адресовал трибунам на суде, если верить Плутарху (Plut. Cor. 20.1). «В тирании!» – таков был ответ. Затем, «отбросив заведомо недоказуемое обвинение в тирании», трибуны обвинили Кориолана в том, что он отговаривал сенат продавать хлеб по низкой цене и советовал лишить народ права выбирать трибунов (Plut. Cor. 20.1–5. Пер. С.П. Маркиша). Но формулировки «отговаривал», «советовал» – достаточно сомнительны для полноценного обвинения. Плутарх приводит третье, более весомое обвинение – раздел добычи, захваченной в Антиийской земле, которую Кориолан должен был внести в казну, но вместо этого разделил между своими товарищами по оружию (loc. cit.). Дионисий Галикарнасский предлагает более сложную версию – один из трибунов обвиняет Кориолана в проявлении поведения своевольного и тиранического, ведь он нарушил закон (*vóμος*), который предписывал, что военная добыча, которую удастся захватить, является общественной и «право распоряжаться ею не получает не только какой-нибудь частное лицо, но даже сам военачальник»⁶¹. Квестор же, приняв ее, продает и деньги вносит в казну. И данный закон, с тех пор, как мы живем в этом городе, не только никто не нарушил, но даже не упрекнул, что он не хорош» (Dion. Hal. ant. VII.63. Пер. А.М. Сморгчова).

А.М. Сморгчов справедливо указывает, что речь здесь могла идти об обычае или же общественном мнении, но не законе. Термин «закон», применительно к этой ситуации 491 г., явно является анахронизмом. Кроме того, *vóμος* у Дионисия Галикарнасского зачастую носит достаточно расплывчатое значение, и здесь мы можем говорить, скорее, о традиции или норме обычного права, но не о законе в собственном смысле. И еще один момент – рассматриваемый фрагмент, вероятнее, представляет собой отражение более поздних инициатив, направленных на определение стандарта/нормы в использовании добычи. Этот процесс поиска единого стандарта выражается в общих утверждениях, подобных тем, которые встречаются в упомянутых выше речах Катона (ORF. Cato fr. 98 Malcovati; fr. 224 Malcovati), а также судебных процессах, основанных на принципе, который кажется явно определенным с самого начала: добыча является собственностью римского народа, а

ряда моментов в описании суда над ним подвергается сомнению (как, впрочем, и историчность самого Кориолана). Но по существу эти вопросы не имеют особого значения для нашего исследования.

⁶¹ А.М. Сморгчов указывает, что это утверждение Дионисия Галикарнасского не вполне верно. Ведь «в республиканском Риме главнокомандующий имел весьма значительные права в отношении своей воинской добычи (*manubiae*). Он мог сдать ее в казну, а мог всю или часть разделить среди воинов; имело место и недовольство воинов скупым полководцем. Часть добычи он оставлял себе, правда, эта доля в основном шла на общественные нужды – строительство храмов, иных сооружений, устройство игр и т.п. Ситуация регулировалась обычаем и общественным мнением, но не законом» (Дионисий Галикарнасский 2005: 184, прим. 78). С последней фразой согласиться можно, но в целом комментарий очень категоричен, поскольку в нем не учитываются те проблемы, которые возникают при обращении к фактическому материалу.

всякое присвоение является кражей общественной собственности, обозначаемой, по крайней мере, во времена Цицерона, но, вероятно, и в предшествующее время, словом *peculatus*. Ведь юридические нормы сначала формулируются в абстрактной форме, причем в первую очередь провозглашается главный принцип, который затем развертывается в систему с группировкой различных положений в совершенно ясном и четком порядке (преступление и наказание, обязательства, судебная процедура). При этом каждое из этих положений, хотя бы оно присутствовало только в зачаточной форме, стремится согласовываться с предметом, о котором идет речь⁶².

В итоге этот набор республиканских правовых установок принимает ту точную форму, которую мы наблюдаем только в более позднем законе Юлия 8 г. (*lex Iulia peculatus et de sacrilegis*)⁶³, когда присвоение части военной добычи наказывалось штрафом в размере четырехкратной суммы похищенного (Dig. 48.13.15). Неясно, однако, в какой именно момент это все приобретает окончательный облик, ведь похожие на закон Юлия формулировки мы находим еще во II речи Цицерона против Верреса⁶⁴. Уже Катон, как мы видели, говорит о полководцах *fures publici* (ORF. Cato fr. 224 Malcovati). Это означает, что уже во времена Катона присвоение военной добычи понималось как кража общественной собственности.

В византийской энциклопедии «Суда» X в. н.э. встречаем лишенный какого бы то ни было контекста фрагмент из сочинения Фабия Пиктора, где формулируется принцип, на котором основываются обвинения полководцев: «Ни одному римскому правителю не позволено присваивать себе что-либо из казны»⁶⁵. Мы знаем, что римская исто-

⁶² Volterra 1970: 75.

⁶³ Он известен нам по сообщениям юристов эпохи Севера – Ульпиана и Модестина. У Ульпиана встречаем общую формулировку: *Lege iulia peculatus cavetur, ne quis ex pecunia sacra religiosa publicave auferat neve intercipiat neve in rem suam vertat neve faciat, quo quis auferat intercipiat vel in rem suam vertat, nisi cui utique lege licebit: neve quis in aurum argentum aes publicum quid indat neve immisceat neve quo quid indatur immisceatur faciat sciens dolo malo, quo id peius fiat* (Dig. 48.13.1). У Модестина речь уже идет конкретно о добыче: *Is, qui praedam ab hostibus captam subripuit, lege peculatus tenetur et in quadruplum damnatur* (Dig. 48.13.15). О возникновении понятия *peculatus* в период Республики см.: Gnoli 1979: 78–80. Ф. Ньюли, продолжая размышления Ф. Бона (Bona 1959: 354–357), показывает, что *praeda* понималась как элемент *pecunia publica*, т.е. как имущество римского народа, в какой бы форме оно ни выражалось. Потому, по мнению исследователя, присвоение добычи вполне логично становится *peculatus*.

⁶⁴ Cic. 2 Verr. IV.88. Давно было отмечено, что у Цицерона в речах против Верреса дважды (Cic. 2 Verr. I.11; IV.88) излагается та же концепция *peculatus*, что и в *lex Iulia*. Ср. Gnoli 1979: 80.

⁶⁵ ap. Sud. s.v. Φάβιος Πίκτηρ: Φάβιος Πίκτηρ, συγγραφεὺς Ῥωμαίων. οὗτος λέγει ἄρχοντι Ῥωμαίων μὴ ἐξεῖναι μηδενὶ σφετερίσασθαι ἐκ τοῦ δημοσίου ὀτιοῦν. «Фабий Пиктор, римский историк, говорит, что ни одному римскому правителю не позволено присваивать себе что-либо из казны» (пер. мой).

рия Фабия Пиктора⁶⁶ была доведена по крайней мере до 217 г.⁶⁷, в ней он сообщает и автобиографические сведения – как офицером он участвовал в войнах против галлов (225 г.), пережил битву при Трази-менском озере (217 г.), после каннского разгрома отправился послом к дельфийскому оракулу (Liv. XXII.7.4; XXIII.11.1–6). Фабий писал историю Рима между 215 и 200 гг.⁶⁸ Работа была, безусловно, опублико-вана до 192 г., либо во время, либо вскоре после Второй Пунической войны⁶⁹. Некоторые авторы⁷⁰ связывают упомянутый фрагмент из «Суды» с первым зафиксированным источниками судебным процессом по делу о хищении добычи Марком Ливием Салинатором, кото-рый отпраздновал «блестящий триумф» (Polyb. III.19) над иллирийцами после своей кампании 219 г., а по истечении консульского срока был привлечен к суду⁷¹. Этот эпизод неоднократно упоминается в источ-никах⁷², в том числе и у Ливия, ведь дело Салинатора было достаточно громким и не могло не отразиться в труде Фабия Пиктора. Таким об-разом, получается, что понятие *peculatus*, его взаимосвязь с казной и добычей встречается уже в конце III в.

Во всяком случае, именно этот принцип лег в основу последующих обвинений в присвоении военной добычи и позволил пресечь эти дея-ния сначала посредством *iudicia populi*, а затем путем отдельных *quaestiones*, вплоть до учреждения постоянной судебной комиссии, *quaestio perpetua peculatus*, которая возникла еще до Суллы⁷³. Таким образом, определение, которое находим в *lex Iulia peculatus* (неважно, относится оно ко времени Цезаря или Августа), следует поместить меж-

⁶⁶ Проблема авторства и соотношения римских и греческих элементов в тек-сте Фабия Пиктора исследована в ряде работ (Мосолкин 2006: 450; Frier 1979: 247–253). Вероятно, «Греческие анналы», написанные Кв. Фабием Пиктором во времена Второй Пунической войны, в I в. до н.э. были вытеснены латинским сочинением другого Фабия Пиктора, которое, по всей видимости, лишь смутно представляло содержание первоначального варианта.

⁶⁷ Альбрехт 2002: 417.

⁶⁸ Frier 1979: 236–241; Momigliano 1990: 88.

⁶⁹ Derow 1973: 118–134; Momigliano 1990: 89.

⁷⁰ Coudry 2009: 49.

⁷¹ Münzer 1926: 891–899.

⁷² Liv. XXII.35.3; XXVII.34.3; XXIX.37.13; Suet. Tib. 3.4; Frontin. Strat. IV.1.45; Vir. ill. 50.1.

⁷³ Об этом свидетельствует судебный процесс против Помпея в 86 г. Плутарх сообщает, что «сразу после кончины Страбона Помпей был привлечен, вместо умершего, к суду по делу о хищении государственных денег. Изобличив одного из вольноотпущенников, Александра, Помпей доказал, что большая часть денег похищена этим вольноотпущенником. Однако самого Помпея обвинили в том, что он присвоил охотничьи сети и книги из добычи, захваченной в Аускуле. Эти вещи он действительно получил от отца после взятия Аускула, но потерял их, когда после возвращения Цинны в Рим его телохранители ворвались в дом Помпея и разграбили его» (Plut. Pomp. 4.1–6. Пер. Г.А. Стратановского). Ср.: Seager 1992: 181; Hillman 1998: 183–185; Короленков 2020: 203–206.

ду 59 и 18 г.⁷⁴ *Crimen peculatus* включало в себя различные формы присвоения общественного имущества, частью которого была и военная добыча, предназначавшаяся для *aerarium*. По сути, данная формулировка представляет собой конец развития этой нормы римского права, предыдущие этапы становления которой мы попытались выделить. Однако постоянство, с которым обвинения в растрате добычи, возникающие в период с 216 по 66 гг., прибегают к существительному *peculatus* в латинских текстах, и к глаголу *σφετερίζειν* в греческих, по-видимому, подтверждает, что характер преступления и главный принцип обвинения явно устанавливаются с самого начала в абстрактной форме, а затем приобретают упорядоченный вид.

Таким образом, развитие законодательной базы, которая защищала бы государственную казну от злоупотреблений со стороны полководцев при разделе добычи, свидетельствует о постоянном стремлении гражданской общины закрепить место общества в распределении этих благ, а не только осудить корыстные и нечестивые действия командующих. Завоевание греческого мира с начала II в., значительным образом увеличившее приток богатств в Рим, породило новые конфликты по поводу раздела добычи. При этом чаще всего споры касались той части военной добычи, которую полководцы в обход казны присваивали; гораздо реже источники вспоминают о доле воинов. Эта особенность, вероятно, связана с возникновением в эпоху Гракхов более сложного процесса перераспределения захваченных благ и дальнейшего расселения граждан на общественных землях. Если для проведения в жизнь первых аграрных законов предполагалось использовать уже имевшийся в распоряжении гражданской общины фонд *ager publicus*, то законы, принятые после Суллы предусматривали покупку земли казной, в частности путем использования средств из добычи. На это указывает законопроект Сервилия (*Servilia rogatio*) 63 г., связанный с масштабной программой распределения земли. Законопроект предусматривал выведение колоний в Италии – на *ager publicus*, т.е. на Кампанское и Стеллатское поле, а также на любую италийскую землю, которую приобретут у собственников, желающих ее продать⁷⁵. При этом деньги для покупки земель в Италии децемвиры могли получить из разных источников⁷⁶, среди которых упоминается и военная добыча. В одной из речей Цицерона, направленных

⁷⁴ Coudry 2009: 49.

⁷⁵ Любимова 2018: 258.

⁷⁶ О.В. Любимова указывает, что такими источниками могли являться средства от продажи участков государственной земли, перечисленных в законопроекте или предназначенных к продаже сенатом после 81 г., средства от реализации земли и иного имущества, которые поступили в собственность государства после 88 г., но не использовались им; дополнительные вектигали, которыми децемвиры имели право обложить государственную землю вне Италии; все доходы от государственной земли, приобретенной после 63 г.; военная добыча, не сданная в казну и не потраченная на памятники, и вечное золото (Любимова 2018: 258).

против закона Публия Сервилия Рулла, мы встречаем положение, которое предусматривает использование децемвирами добычи еще не внесенной в казну, но, видимо, предназначавшейся для нее – речь идет о *praeda, aurum coronarium* и *manubiae*⁷⁷. Получается, что этот процесс предполагал как возможность более позднего перераспределения добычи, так и распределение через *aerarium*. В то же время объединение добычи с другими источниками государственных доходов усложняло соотношение между военной добычей и доходами от завоеваний. Таким образом роль государственной казны была усилена. Нормы распределения, озвученные Катонем, и обвинения полководцев в присвоении добычи дали возможность поставить государственную казну в центр процесса распределения военной добычи.

Такой беглый анализ сюжетов, связанных с распределением военной добычи приводит к ряду важных наблюдений. Добыча могла быть направлена в казну, разделена между воинами или же в некоторых случаях выделена для возмещения военного налога гражданам (*tributum*). В источниках встречаются и обратные ситуации – полководец мог получить триумф, но деньги в казну не передать. Тогда его обвиняли в присвоении государственного имущества (*peculatus*) и осуждали за то, что, не внося надлежащую часть захваченной добычи в *aerarium*, он украл ее у римских граждан. Если же добросовестный полководец учел все формальности и передал захваченную и пронесенную в триумфальной процессии *praeda* в казну, эти средства могли быть перераспределены сразу же. Так, могло быть произведено упомянутое выше возмещение гражданам военных налогов, причем для этого требовался *senatus consultum* – постановление сената, потому как военная добыча уже считалась частью государственной казны и собственностью *populi Romani*. Получается, что полководец с момента передачи средств в казну после проведения триумфа уже не мог распоряжаться

⁷⁷ *Aurum, argentum ex praeda, ex manubiis, ex coronario ad quoscumque pervenit neque relatum est in publicum neque in monumento consumptum id profiteri apud decemviros et ad eos referri iubet.* «Золото и серебро *ex praeda, ex manubiis, ex coronario*, независимо от того, кому оно досталось, не отданное народу и не потраченное на сооружение памятника – обо всем он приказывает объявлять децемвирам и передавать это им» (Cic. Leg. Agr. II.59. Пер. мой). Второй фрагмент фактически дублирует содержание предыдущего: *quod ad quetque pervenerit ex praeda, ex manubiis, ex auro coronario, quod neque consumptum in monumento neque in aerarium relatum sit, id ad xviros referri iubet.* «Какие деньги каждый из вас получил из добычи, из продажи вражьего имущества или в виде почетных даров, поскольку они не потрачены на памятники и не переданы в казну – их вы должны отнести к децемвирам» (Cic. leg. agr. I.12. Пер. Ф.Ф. Зелинского). Особое место в речи *de lege agraria contra Servilium Rullum* занимает Гней Помпей, против которого, как считалось долгое время, и был направлен этот закон: *praedam, manubias, sectionem, castra denique Cn. Pompei sedente imperatore decemviri vendent.* «И добычу Гн. Помпея, и конфискованную им у врагов землю, и даже его лагерь будут продавать децемвиры, причем сам полководец должен будет сидеть сложа руки» (Cic. Leg. agr. fr. 4 Cl. = Gell. NA. XIII.25.6. Пер. Ф.Ф. Зелинского).

военной добычей самостоятельно, он делал это лишь с согласия сената. Однако эти средства все еще считались военной добычей, ведь именно из нее граждане получали компенсацию за выплаченный ранее *tributum*.

Ряд интересных моментов связан и с раздачами *militibus ex praeda*. Судя по некоторым сообщениям источников, распределение *praeda* между воинами могло происходить как до триумфа – тогда эти средства не демонстрировались в процессии, так и после, причем в этом случае деньги также изымались уже из казны. Говоря о взаимодействии полководца и государственной казны, следует отметить один важный момент – командующие после возвращения в Рим сдавали в казну составленные или же ими самими, или же их квесторами отчеты о захваченной добыче. И, видимо, до *lex Iulia repetundarum* 59 г. процедура предоставления отчетов не была обязательной. Контроль за распределением военной добычи в более ранний период, по Цицерону, устанавливался на основании *rationum referendarum ius vetus et mos antiquus* – старого закона и древнего обычая предоставления отчетов (Cic. Fam. V.20.1). Такая расплывчатая формулировка не позволяет говорить о том, что отчет полководца перед казной до *lex Iulia repetundarum* был обязательным мероприятием и регулировался четкой правовой нормой. Однако порой суммы *praeda*, переданные полководцем в казну становились достоянием общественности – об этом свидетельствует надпись на базе колонны Гая Дуилия, где указана точная сумма захваченной *praeda* (CIL. I².25).

Вторая часть выводов связана с получателями военной добычи. Условно можно выделить три стороны, между которыми распределялась военная добыча – это полководец, воины и казна. Желание каждой из них получить свою долю захваченного неизбежно приводило к ряду конфликтов, суть и особенности которых были подробно рассмотрены в статье. Высказанные соображения можно свести к нескольким замечаниям.

Во-первых, в Риме вплоть до самого конца Республики, видимо, не существовало единой правовой нормы, которая бы регулировала процессы распределения добычи. Была лишь определенная традиция, которая учитывала интересы всех сторон, при том, что с течением времени она несколько изменялась. Кроме того, тут сложно говорить о какой-либо норме, относительно того, кто и сколько из них должен был получить из добычи. И на самом деле поиски ответа на этот вопрос абсолютно напрасны – ведь это все равно, что пытаться с уверенностью определить «право на победу» или на «монополизацию» триумфа⁷⁸. В лучшем случае могли существовать лишь ограничивающие, а не предписывающие нормы.

⁷⁸ По поводу борьбы полководцев за «монополию на триумф» можно вспомнить, к примеру, «монументальное соперничество» Мария и Суллы, которое выразилось в создании полководцами трофеев в честь своих побед и было связано со скандальным монументом Бокха (Plut. Sull. 6; Mar. 32) (Ср.: Mackay 2000: 162; Stein-Hölkeskamp 2013: 439).

Во-вторых, часть военной добычи, которая шла в казну, почти всегда находится в центре конфликтов – именно по отношению к ней возникают споры, будь то притязания воинов на свою долю, занимающие в источниках центральное место до III в., или же обвинения полководцев в присвоении части добычи, которые интересуют античных авторов уже со II в. Создается впечатление, что переход от системы прямого распределения добычи между теми, кто ее захватил – воинами и полководцами, к системе косвенного перераспределения силами всего гражданского общества через государственную казну никогда не мог быть осуществлен полностью. Это изменение, являющееся аспектом процесса строительства государства, первые этапы которого ускользают от нас, но которое, по видимому, сильно изменилось с III в. и осталось незавершенным, возможно, потому, что с I в. полководцы и воины стали обладать достаточной силой, чтобы воспрепятствовать его осуществлению.

В-третьих, предпринимаются постоянные попытки установить общественный контроль за распределением добычи. Точный подсчет средств, предназначенных для казны, производимый квестором на поле боя и передача этих отчетов городским квесторам по возвращении в Рим; демонстрация во время триумфа военных трофеев, которые должны быть возвращены римскому обществу либо путем выплаты в казну, либо путем посвящения и публичного показа *spolia*; точность данных, позволяющих учесть эти поступления в казну и сообщаящих о средствах, отданных воинам – все это показывает стремление к гласности и открытости, делая, таким образом, граждан свидетелями и непосредственными участниками перераспределения военной добычи. И место, отведенное в античных источниках сведениям о доле добычи, доставшейся гражданской общине, показывает важность этого принципа гласности.

В нее, однако, не входит та часть, которую полководец оставляет либо для себя, либо для своих расходов *ex manubiis* – здесь мы видим границу этого общественного контроля, который наталкивается на свободу действий полководца согласно его *imperium*. Юридическая неясность, которая связана с вопросами распоряжения добычей полководца, трудность определения значения терминов, которые ее обозначают, закрытость действий, которые полководец совершает по отношению к своей доле – все это способствует тому, что эта часть добычи остается вне поля зрения источников.

Литература/References

- Альбрехт М. 2002. История римской литературы: От Андроника до Бозция и ее влияние на позднейшие эпохи. Ч. 1. М. [Albrecht M. 2002. Istoriya rimskoy literatury: Ot Andronika do Boetsiya i eye vliyeanie na pozdneyshie epokhi. Chast' 1. Moskva].
- Дионисий Галикарнасский. 2005. Римские древности / И.Л. Маяк (отв. ред.). Т. 2. М. [Dionisiy Galikarnasskiy. 2005. Rimskie drevnosti / I.L. Mayak (otv. red.). Tom 2. Moskva].
- Короленков А.В. 2020. Первая гражданская война в Риме. СПб. [Korolenkov A.V. 2020. Pervaya grazhdanskaya voyna v Rime. Sankt-Peterburg].
- Кузищин В.И. 1973. Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э. М. [Kuzishchin V.I. 1973. Rimskoe rabovladel'cheskoe pomest'e II v. do n.e. – I v. n.e. Moskva].
- Любимова О.В. 2018. Политический смысл законопроекта Сервилия Рулла // ВДИ. № 78/2. С. 257–281 [Lyubimova O.V. 2018. Politicheskiy smysl zakonoproekta Serviliya Rulla // Vestnik drevney istorii. № 78/2. S. 257–281].
- Маркин А.Н. 2011. Организация системы налогообложения в Римской республике // Вестник Удмуртского университета. Вып. 3. С. 66–68 [Markin A.N. 2011. Organizatsiya sistemy nalogooblozheniya v Rimskoy respublike // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Vyp. 3. S. 66–68].
- Махлаюк А.В. 2003. Дихотомия civis-miles в Риме позднереспубликанского и императорского времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: История. № 2. С. 5–27 [Makhlayuk A.V. 2003. Dikhotomiya civis-miles v Rime pozdnerespublikanskogo i imperatorskogo vremeni // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Istoriya. № 2. S. 5–27].
- Маяк И.Л. 2019. Рим ранней республики и его герои. СПб. [Mayak I.L. 2019. Rim ranney respubliky i ego geroi. Sankt-Petersburg].
- Молев Е.А. 1995. Властитель Понта. Н. Новгород [Molev E.A. 1995. Vlastitel' Ponta. Nizhniy Novgorod].
- Мосолкин А.В. 2006. Авторство «Латинских анналов» и «Комментариев к праву понтификов» Фабия Пиктора // АМА. Вып. 12. С. 440–451 [Mosolkin A.V. 2006. Avtorstvo «Latinskikh annalov» i «Kommentariev k pravu pontifikov» Fabiya Piktora // Antichnyy mir i arkheologiya. Vyp. 12. S. 440–451].
- Мэттингли Г. 2005. Монеты Рима. С древнейших времен до падения Западной Империи. М. [Mettingli G. 2005. Monety Rima. S drevneyshikh vremen do padeniya Zapadnoy Imperii. Moskva].
- Сморчков А.М. 2012. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М. [Smorchkov A.M. 2012. Religiya i vlast' v Rimskoy Respublike: magistraty, zhretsy, khramy. Moskva].
- Токмаков В.Н. 2000. Право и воинская дисциплина в республиканском Риме // IVS ANTIQVVM. Древнее право. № 1 (6). С. 136–145 [Tokmakov V.N. 2000. Pravo i voinskaya distsiplina v respublikanskom Rime // IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo. № 1 (6). S. 136–145].
- Трухина Н.Н. 1986. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М. [Trukhina N.N. 1986. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoy respubliky (II v. do n.e.). Moskva].
- Утченко С.Л. 1952. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики (Из истории политических идей I в. до н.э.). М. [Utchenko S.L. 1952. Ideyno-politicheskaya bor'ba v Rime nakanune padeniya respubliky (Iz istorii politicheskikh idey I v. do n.e.). Moskva].

- Shtaerman E.M.* 1969. О классовой структуре римского общества // ВДИ. № 4. С. 37–59 [*Shtaerman E.M.* 1969. O klassovoy strukture rimskogo obshchestva // Vestnik drevney istorii. № 4. S. 37–59].
- Bona F.* 1959. Preda di guerra e occupazione privata di 'res hostium' // SDHI. Vol. 25. P. 309–370.
- Bona F.* 1985. Preda bellica (storia) // Enciclopedia del diritto. Vol. 34. Milano. P. 911–916.
- Brecht C.H.* 1940. Peculatus // RE. Suppl. 7. Sp. 819.
- Churchill J.B.* 1999. Ex qua quod vellent facerent: Roman Magistrates' Authority over Praeda and Manubiae // TAPhA. Vol. 129. P. 85–116.
- Cornell T.J.* 1989. The recovery of Rome // CAH². Cambr. Vol. VII.2: The Rise of Rome to 220 B.C.
- Coudry M.* 2009. Partage et gestion du butin dans la Rome Républicaine: procédures et enjeux // Praeda. Butin de guerre et société dans la Rome républicaine / M. Coudry, M. Humm (eds.). P. 21–79.
- Crauford M.H.* 1976. The Early Roman Economy, 753–280 B.C. // L'Italie preromaine et la Rome republicaine. Melanges offerts a J. Heurgon. Roma. P. 197–207.
- Dahlheim W.* 1992. Die Armee eines Weltreiches: Der römischen Soldat und sein Verhältnis zu Staat und Gesellschaft // Klio. Bd. 74. S. 197–220.
- Derow P.S.* 1973. Kleemporos // Phoenix. Vol. 27/2. P. 118–134.
- Finley M.* 1974. The Ancient Economy. Berkeley.
- Fracaro P.* 1956. I processi degli Scipioni. Pavia.
- Frier B.W.* 1979. Libri Annales Pontificum Maximorum: The Origins of the Annalistic Tradition. R.
- Gabba E.* 1977. Esercito e fiscalità a Roma in età repubblicana // Armées et fiscalité dans le monde antique. Actes du colloque, Paris 14–16 octobre 1976. P.
- Gabba E.* 1984. Il consenso popolare alla politica espansionistica romana // W.V. Harris (ed.). The Imperialism of Mid-Republican Rome. Roma. P. 115–129.
- Gnoli F.* 1979. Ricerche sul crimen peculatus. Milano.
- Gruen E.S.* 1974. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley; Los Angeles; London.
- Gruen E.S.* 1995. The 'Fall' of the Scipios // I. Malkin, Z.W. Rubinson (eds.). Leaders and Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz. Leiden; New York; Köln. P. 59–90.
- Harmand J.* 1967. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère. P.
- Hellegouarc'h J.* 1972. Le vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la république. P.
- Hillman T.P.* 1998. Notes on the Trial of Pompeius at Plutarch, Pomp. 4. 1–6 // RhM. Bd. 141. S. 183–185.
- Humm M.* 2005. Appius Claudius Caecus: la république accomplie. Rome.
- Itgenshorst T.* 2005. Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik. Göttingen.
- Keaveney A.* 2007. The Army in the Roman Revolution. L.; N.Y.
- Klebs E.* 1893. Aemilius 114 // RE. Bd. I. Hbd. 1. Sp. 576–580.
- Klebs E.* 1896. Aurelius 107 // RE. Bd. II. Hbd. 4. Sp. 2488.
- Linderski J.* 2007. A Missing Ponticus // Roman Questions II: Selected Papers. Bd. 44. Stuttgart. P. 115–147.
- Mackay C.S.* 2000. Sulla and the Monuments: Studies in His Public Persona // Zeitschrift für Alte Geschichte. Bd. 49. P. 161–210.
- Marchetti P.* 1977. A propos du tributum romain: impôt de quotité ou de répartition? // Armées et fiscalité dans le monde antique. Actes du colloque, Paris 14–16 octobre 1976. P.

- Momigliano A.* 1990. *Fabius Pictor and the Origins of National History* // A. Momigliano (ed.). *The Classical Foundations of Modern Historiography*. Berkeley; Los Angeles; Oxford.
- Mommsen T.* 1879. *Die Scipionenprozesse* // idem. *Römische Forschungen*. B. Bd. 2.
- Münzer F.* 1912. *M. Furius Camillus* // RE. Bd. VII. Hbd. 13. Sp. 324–348.
- Münzer F.* 1926. *Livius 33* // RE. Bd. XIII. Hbd. 1. Sp. 891–899.
- Münzer F.* 1928. *Manlius 91* // RE. Bd. XIV. Hbd. 27. Sp. 1218–1219.
- Nicolet C.* 1976a. *Le métier du citoyen dans la Rome républicaine*. P.
- Nicolet C.* 1976b. *Tributum: recherches sur la fiscalité directe sous la république romaine*. Bonn.
- Nicolet C.* 1987. *Rome et la conquête du monde méditerranéen 264–27 avant J.-C. T. I.: Les structures de l'Italie romaine*³. P.
- Orlin E.M.* 1997. *Temples, religion and politics in the Roman Republic*. Leiden; New York; Köln.
- Piacentini S.* 2021. *Financial Penalties in the Roman Republic: A Study of Confiscations of Individual Property, Public Sales, and Fines (509–58 BC)*. Leiden; Boston.
- Rosenstein N.* 2011. *War, wealth and consuls* // *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo (eds.). Cambr. P. 133–158.
- Santalucia B.* 1998. *Diritto e processo penale nell'antica Roma*. Milano.
- Sauerwein I.* 1970. *Die leges sumptuarie als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg.
- Schneider H.* 1974. *Wirtschaft und Politik. Untersuchungen zur Geschichte der späten Römischen Republik*. Erlangen.
- Schwahn W.* 1939. *Tributum* // RE. Bd. VIIA. Hbd. 13. Sp. 7–9.
- Seager R.* 1992. *Cinnanum tempus, 87–84 B.C.* // CAH². Vol. IX: *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 BC*. Cambr.
- Shatzman I.* 1972. *The Roman General's Authority over Booty* // *Historia*. Bd. 21. P. 177–205.
- Stein-Hölkeskamp E.* 2013. *Macht, Memoria und Monumente: Marius, Sulla und der Kampf um den öffentlichen Raum* // *Klio*. Bd. 2. S. 429–446.
- Venturini C.* 1979. *Studi sul «crimen repetundarum» nell'età repubblicana*. Milano.
- Vogel K.* 1948. *Zur rechtlichen Behandlung der römischen Kriegsgewinne* // *ZRG RA*. Vol. 66. S. 394–423.
- Volterra E.* 1970. *Diritti dell'oriente mediterraneo. Corso di lezioni*. Roma.
- Welwei K.W.* 2000. *Sub corona vendere. Quellenkritische Studien zu Kriegsgefangenschaft und Sklaverei in Rom bis zum Ende des Hannibalkrieges*. Stuttgart.
- Ziolkowski A.* 1993. *Urbs Direpta, or How the Romans Sacked Cities* // *War and Society in the Roman World*. L; N.Y. P. 69–91.

Поступила в редакцию / Received 22.02.2023.
 Принята к публикации / Accepted 27.02.2023.
 Опубликована / Published 27.04.2023.